

Сергей Монастырский

Одинокие письма Марины
Карповой. Сборник рассказов

18+

Сергей Монастырский

**Одинокие письма Марины
Карповой. Сборник рассказов**

«Автор»

2026

Монастырский С. С.

Одинокие письма Марины Карповой. Сборник рассказов /
С. С. Монастырский — «Автор», 2026

Вечные печали человечества: одиночество, неразделённая любовь, не случившееся счастье, непонятность... Далее по списку. Список случившегося счастья гораздо короче, но тоже не маленький. Этим живём. Вот уже две тысячи лет. У каждого это отдельная, только его, история. Двенадцать рассказов в этой книге. Двенадцать отдельных историй. Надеемся, они покажутся интересными. Во всяком случае, неординарными.

© Монастырский С. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Одинокие письма Марины Карповой	6
Соло на саксе в сопровождении скрипки	11
Двое на скамейке	14
День сурка	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Монастырский

Одинокие письма Марины

Карповой. Сборник рассказов

Оглавление

Одинокие письма Марины Карповой

Соло на саксе в сопровождении скрипки

Двое на скамейке

День сурка

Долгая дорога к счастью

Дом инвалидов

Думы о Гамазюкине

Последний месяц

Просто зима

Тёмные ночи в арбатском переулке

Тихая гавань для лодки любви

Перед уходом

Одинокие письма Марины Карповой

Особенно тяжело было вечерами. День со своими заботами, делами служебными и не служебными, разговорами прошёл. Хозяйственные дела - зайти в магазин по пути домой, вскипятить чайник, приготовить нехитрый ужин для одной - тоже сделаны. Ежевечерний звонок, какой бы длинный он ни был, семье дочери состоялся. Всё. Больше ничего не было. А вечер только начинался.

С тех пор, как умер Гриша, дом был пустой. Он и раньше-то был не сильно шумный. Но был муж, и вокруг него всё вертелось. Его нужно было кормить, и не абы как. Ужин вдвоём, даже не многословный, даже если они ругались, редко, но бывало, растягивался на час. Потом надо было что-то для него сделать: погладить свежую рубашку, очистить заляпанный в лужах низ брюк. Он почему-то так ходил, что каблук ботинок забрызгивали брюки сзади. Да мало ли ещё проблем в семье. Так было всю жизнь, а это тридцать с лишним лет. И Марина привыкла к такому режиму, как к естественному.

Хуже было ночью. Хотя прошло уже три года, она так и не привыкла засыпать одна. Он должен быть рядом. Просто так. Должен и всё. Она даже во сне его чувствовала. И если он, стараясь быть осторожным, вставал среди ночи в туалет, просыпалась сразу.

А ещё по ночам всё чаще пробуждалась беспомощная мысль: а зачем она теперь живёт. Чтобы утром встать, пойти на работу, потом домой. И вот такой каждый день, как сегодня. Да, конечно, для семьи детей: дочки, её мужа, внучки. Но они давно живут отдельно, у них своя семья, они в ней не нуждаются. Если завтра её не будет, ничего не изменится. Внучке двенадцать лет, бабушка для неё существует отдельно от её жизни. Так что - умереть? Нет, конечно. Но как-то пусто.

Марина включила телевизор. Там шла чужая жизнь, не интересная ей. Да и вообще не интересная. Все сериалы были похожи один на другой. Герои были какие-то фанерные, сюжеты, высосанные из пальца, но актёры страдали так громко, как будто наступил конец света. Она выключила телевизор.

Своей горе она переносила тихо. Даже на похоронах не зарыдала, не дрогнула голосом. Настоящее понимание смерти, переворота привычной жизни пришло к ней постепенно, через месяцы. Вот тогда захотелось и выть, и рыдать, и бежать куда-то, лишь бы убежать от этого ужаса. Спасала работа. Горе оставалось дома. В не заправленной кровати. Первые месяцы потеряла себя, распустилась. А на работе шла жизнь. Привычные, необходимые в этом мире занятия, какие-то обычные разговоры.

Работала она в проектно-институте гражданского строительства, и это было ей интересно. Да и общение не только с коллегами, но и с многочисленными заказчиками было её окном в мир, выходящий за пределы её квартиры. После смерти Гриши она с ужасом стала думать, как она будет жить без всего этого. А будет! Через год ей исполнится шестьдесят, а с пенсионерами в институте контракты не продлевали. Ну, тогда полное одиночество. Дело в том, что за эти три года куда-то исчезли, рассосались приятели из их шумных компаний и просто приятели, с которыми они дружили семьями, ходили друг к другу в гости. Приятели, потому что друг может быть только один. С ним можно молчать, можно, если припечёт, позвонить ночью. Один на всю жизнь. Такой был у мужа, а значит и у неё. Это был их общий друг. Но он погиб.

Потом она поняла, почему все рассосались. Когда Гриша умер, оказалось, что это был его круг, его связи, его с ними отношения, и он был душой этих компаний. А она - только вместе с ним. Приложение. А отдельно она не существовала.

Только часы на стене мерно стучали. Марина подумала, что сегодня же пятница, и завтра нужно будет готовить что-то для воскресного обеда, который они с дочерью решили ещё при Грише проводить по очереди - то они приглашают, то дети. По воскресеньям, потому что субботы - дни хозяйственные, по магазинам, по дому. Она взяла листок и стала записывать, что нужно купить и для того, чтобы ничего не забыть, и для того, чтобы ходить по магазинам целенаправленно. И в следующую, свободную от магазинов субботу надо съездить к Грише.

Не была уже три недели. Ездила всегда одна, без дочери. В первые месяцы дочь её сопровождала на всякий случай. Потом сказала:

- Мам, память не на могиле, а в голове. А кладбища я не люблю, они ужасны. Ты знаешь, папу я любила и люблю. Думаю о нём часто и плачу. А там его всё равно нет. И вообще его нет. Нигде. Не придумывай себе сказки.

- Но мне так легче.

Обед, как всегда, прошёл шумно и весело. Про Гришу не вспоминали. Так договорились давно, чтобы не расстраиваться и не превращать встречу в траурное мероприятие. Перед уходом дочь сказала, что надо поговорить, и увела Марину в другую комнату.

- Мам, - начала она, - ты ведь с папой разговариваешь?

- Да, часто.

- И ты хочешь, чтобы он это слышал?

- Хотелось бы.

- И веришь, что он где-то есть и всё видит?

- Не верю, конечно, но а вдруг это есть?

- У меня есть предложение, - сказала дочь. - А ты пиши ему письма, как будто он есть и может их прочитать.

- Некуда отсылать, - без иронии ответила Марина. - А я бы хотела.

- Мам, ты будешь их класть в железный ящик, закрывающийся на сейфовый ключ, который будет приделан в металлическом хозяйственном отсеке под могильной скамейкой. Ну, где мы веники держим, инструменты. Мы закажем и всё сделаем.

- Зачем?

- Я хочу, чтобы тебе стало легче. Это такая игра. А может и не игра!

Марина никогда не писала писем. Даже по интернету. Но это же не письма.

- Я не знаю, - ответила она. - По-моему, это какая-то глупость.

Очередной вечер был привычно пустым, и она решила попробовать. Она вытащила из ящика письменного стола тетрадку внучки, которая иногда у неё делала уроки. И склонилась над письмом.

«Гриша, это я! Гришенька, дорогой мой, я по тебе так скучаю. Никогда не называла тебя так, а сейчас хочу. И вообще хочу, чтобы ты был, чтобы мы были вместе. Поэтому попробую тебе писать. Я с тобой итак почти каждый день разговариваю. Но мысленно. Слова куда-то улетают в воздух, и не знаю, слышишь ты или не слышишь. А так вроде письмо, вроде ты его получаешь. Не думай, я не сошла с ума. Говорят, это пройдет. Но пока давай я буду тебе писать. Может станет легче.

Письма я буду класть в ящик под скамейкой. Ты сможешь их брать и читать. Когда я умру и приду к тебе, эти письма заберут наши внуки.

Ну вот, хотела про внуков обрадовать тебя отдельно, но раз уж проболталась, то поздравляю тебя. У нас и, конечно, у детей скоро будет ещё мальчик. Решили, наконец. Ну и молодцы. Разница в тринадцать лет ещё нормально. И у меня с малышом жизнь будет наполнена.

Пусто мне без тебя, Гриша. Мы с тобой, Гриша, так прожили, что сокровенно так и не поговорили. Я это без обиды, все так живут. Жизнь не для исповеди. А когда эту жизнь теряешь, хочется договорить. Может, ты услышишь, а то ведь с недосказанностью трудно жить. Я ведь тоже когда-то уйду. И кто доскажет?

И, Гриша, вот что я тебе хочу сказать: встретились мы в нашей жизни не по безумной любви. От безумной любви к другому ты меня увёл, как помнишь. В дальнейшем оказалось, что он влюблялся ещё раз двадцать и три раза женился. Вот от такой судьбы ты меня увёл. Спасибо тебе. То есть всё было довольно заурядно. Ты был в меня влюблён, я в тебя - нет. Это чувство, не знаю, любовь ли это, пришло незаметно во время нашей жизни. Не знаю, каким словом это назвать, но я прожила с тобой очень комфортно, не в плане материальном - этого, слава богу, ты мне и нашим детям дал с избытком, а просто в отношениях, и стал родным. Самым родным человеком, да простят меня родители и дети. Узнаёшь это, когда теряешь. Я тебя потеряла. Знаешь, Гриша, мне приходит мысль, что за эти годы у тебя ещё кто-нибудь мог быть. И намекали некоторые на это. И бог с ним! Ты мужчина, такое случается. Но это твоя жизнь, не наша. А за нашу жизнь я очень тебе благодарна. Хотя и ругались мы и не разговаривали по два дня, но я счастливая женщина. И была ей при твоей жизни. Сейчас нет. Потому что тебя нет.

Вот такое тебе моё признание в любви получилось. Наверное, в любви.»

«Я езжу на твоей машине. Свою, надеюсь, ты знаешь, я отдала детям. Их старенькая уже из ремонтов не вылезает. А в остальном я сохраняю твой принцип: пусть на свою жизнь зарабатывают сами. Кроме внучки. Мы как содержали её с тобой, так и продолжаю содержать. Мне это доставляет радость - ходить с ней по магазинам, примерять что-то модное, есть роллы в кафе. Это наш секрет от родителей.

Дети, кстати, у нас замечательные. Ты это, конечно, и так знал. Но вот смотри, в первое же лето после тебя, когда мне было особенно тяжело, они собрались поехать в Турцию в отпуск и уговорили меня поехать с ними. Я, конечно, отбивалась, зачем им мешать. Но они поставили условие: или мы едем вместе, или они остаются со мной сидеть дома. И вот уже три года я провожу отпуск с ними, за границей, конечно.

В это лето мы поедem на Майорку. Они сняли в каком-то курортном городе двухэтажный коттедж с бассейном. От моря пол километра. Знаешь, не дорого - полторы тысячи долларов на десять дней.

Господи, сколько же мы с тобой объездили за свою жизнь. Знаешь, если даже теперь моя жизнь застынет, и в ней ничего больше не будет происходить, мне не о чем будет жалеть. Наша с тобой жизнь, а это тридцать с лишним лет, была прекрасной. У большинства людей этого хватило бы на две жизни. И праздники мы проводили весело. Помнишь, на двадцать третье февраля мы вам подарили себя? Купили на рынке старушечьи панталоны до колен, хлопчато - бумажные бюстгалтеры, тапочки мохнатые и, повязав головы цветастыми шальями, в распахнутых халатах вышли к столу. Твоя реплика «Боже, на ком я женился!» стала мемом на наших сборищах.»

«Сколько же я тебе написала писем. Не считала. Не хочу ни считать, ни перечитывать. Оказалось, что идея относить письма на кладбище - правильная. Если бы они лежали дома, то не выдерживала бы, доставала их время от времени и ревела бы. Вот уже полгода пишу. Сейчас реже. Наверное, потому, что рассказала тебе всё. И о нас с тобой, и о наших отношениях, и о своём одиночестве без тебя, и о детях. А так жизнь течёт ровно, однообразно. Не знаю, о чём тебе написать. Ладно, буду о каждодневных мелочах. А о чём ещё мы каждый день говорим при нашей жизни. А то, чем ты занимался, я об этом и представления не имела.

Например, недавно целую неделю боролась с домоуправлением, или как их там сейчас называют. Потёк бачок унитаза, сделала заявку. Два дня ждала слесаря, потом пошла ругаться. Слесарь пришёл. Оказывается, у них на складе нет таких запорных механизмов. Сказал, что сделает заявку, надо ждать. Ждала. Пошла ругаться опять. Хорошо, что встретила знакомую из нашего дома, она научила. Дала слесарю деньги на механизм и за работу. После обеда всё было сделано, даже пол в туалете за собой вытер. Учусь.

Не так давно слегка помяла бампер об столб. Но не ездить же с таким. Эксперт в страховой сказал, что ремонт обойдется тысяч в двести. Во-первых, машина дорогая, во-вторых, это целая система всяких железок, а ещё в нём находятся сигналы поворота и стоп-сигнала. Хорошо, что у нас есть добровольная страховка, она всё оплатит. Но бегать по сбору разных документов пришлось целую неделю. Как же ты это делал? Я даже не замечала. Но теперь в бытовом плане я уже твёрдо стою на ногах. Хотелось бы, правда, спрятаться за твою спину и чувствовать себя женщиной.»

«Ох, Гриша, не знаю, как тебе это рассказать. Сначала хотела вообще никогда ни за что об этом не говорить. Потом невысказанное начало меня мучать, как будто есть что-то ужасное, что я от тебя скрываю. Хотя ведь тебя всё равно нет. И признавайся, не признавайся, тебя это никак не касается.

Тебя нет уже скоро как четыре года, и никаких обетов я перед тобой не несу. И даже дочь наша говорит: «Ты что, хочешь в монашку превратиться? И папе от этого легче, что ли? Или тебе?» Ну и вообще, Гриша, я же ещё молодая, мне же ещё лет двадцать жить, если бог даст. В общем, Гриш, это я, получается, оправдываюсь. А зачем? Ты же, скорее всего, никогда ничего не прочитаешь. Но вот пишу, что бы совесть моя была перед тобой чиста. На днях был юбилей нашего института. Директор снял ресторан. А может наши заказчики помогли, скинулись. Ты знаешь, я тебе всегда рассказывала, что давно - лет двенадцать, я в основном работала с одним и тем же заказчиком. У него своя небольшая строительная фирма. За эти годы у нас сложились хорошие, почти дружеские отношения. Очень хороший, приятный человек. Чего скрывать, мы симпатизировали друг другу. Помнишь, я тебе сказала, что когда его как-то спросила, чего он не женится - его жена ушла лет десять назад - он пошутил, что ждёт меня. Ты ещё тогда ответил, что это не комплимент, а пожелание мужу, что бы он скорее помер. Он, правда, потом извинился. Ну вот, человек о котором я говорю - зачем тебе его имя - конечно, тоже был приглашён. И, конечно, мы с ним вместе выпивали в баре. Вечер был в стиле фуршет, свободное общение между выступлениями, выпивка и закуски у столиков и у стойки бара, танцы под живую музыку. Так получилось, что всё это мы делали в основном в компании с моим заказчиком. Дальнейшее от танцев, вина, всеобщего возбуждения помнится не так хорошо. Естественно, потом он предложил довести меня домой. Я было, как водится, слегка посопротивлялась. Он вызвал такси, но конечно, стал провожать до двери. Гриша, давай скажу тебе честно, всему, что потом произошло, я не очень сопротивлялась. Ну, во-первых, устала от одиночества и без мужчины, во-вторых, всё-таки он был мне знаком и симпатичен уже много лет, в-третьих, я была сильно возбуждена от выпитого и от танцев. Ты же знаешь, как я люблю танцевать. И вообще, что здесь такого, я свободная женщина, у меня своя жизнь. Извини, Гриша.

Это я не тебе говорила, себе говорила. Буду ли я когда-нибудь свободна от тебя, не знаю. Наверное, буду. Что-то уже начинает со мной происходить.

Я, конечно, сопротивлялась, потом перестала, потому что где-то в подсознании хотела, чтобы он победил. Потом я перестала мучиться. Мне было хорошо, он всё делал правильно. И я, наконец, почувствовала, что освободилась от всего скопившегося напряжения жизни. Мне и правда стало легче. Мы молчали, мне нечего было сказать ему, Гриша. Наверное, и ему, потому что ничего другого, кроме того, что случилось между нами, не было. Он понял. И

ушёл. На прощание только сказал, что хотел бы встречаться. Я ответила, что не готова к каким-то отношениям. Но помня, как было хорошо, добавила, что может быть, когда уж особенно захочется с ним встретиться, позвоню. Он ответил, что никогда не будет мальчиком по вызову и, что он надеялся, что мы станем хотя бы любовниками. Это всё-таки от слова «любовь». А её нет. Мы попрощались, он поцеловал мне руку.

Вот что случилось со мной, Гриша. Я вообще-то смутно ожидала, что что-то подобное в моей жизни будет. Ты там, я здесь. И мне хочется жить. Я не думаю, что виновата перед тобой, Гриша. В нашей с тобой жизни я никогда тебе не изменяла. Не потому, что такая целомудренная, просто не хотела ни разу. Мне хватало тебя. И сейчас не изменила. Просто случай.»

«Приближается очередной Новый год. Дети купили путёвки на базу отдыха, здесь, в Подмоскowie. Там есть горнолыжная трасса с подъёмниками, несколько бассейнов, различных бань, саун. Питание «шведский стол» по принципу «всё включено». Мне тоже взяли путёвку. Во-первых, чтобы не провела новогоднюю ночь в одиночестве, во-вторых, чтобы была с внучкой. У нас с ней хороший номер с видом на лес.

В январе, Гриша, я уйду на пенсию. Стало быть, прощаюсь с работой. Уже тоскую. Правда, пилюлю мне подсластили. Знаешь кто? Тот самый заказчик, о котором я тебе рассказывала. Ну, извини ещё раз. Неожиданно на днях он мне позвонил и сказал, что для меня есть предложение. Я, конечно, в привычном для нас тоне пошутила, что предложение руки и сердца не принимаю. Но он уверил, что речь о работе.

Мы встретились в кафе. Он в разговоре называл меня на «вы», хотя и только по имени, что мне сразу понравилось. Он рассказал, что в дополнение к основному бизнесу решил открыть побочный - строительство индивидуальных домов, таун-хаусов, потому что получил двадцать гектаров земли на окраине, в лесном массиве. Поскольку заказы не будут регулярными, свою группу проектировщиков содержать не рентабельно. Будет раздавать заказы частным проектировщикам. Разовая работа, оплата от заказчиков объектов по договорённости. Существующая средняя цена проектов сто квадратных метров, около пятисот тысяч. По возможности будет предоставлять мне работу. Офис не нужен, работа дома. Базовую документацию мне поставят в компьютер. Конечно, я была рада. Чтобы мозги не засохли, и чтобы время было занято, да и деньги не лишние. На пенсию не проживёшь. Я, конечно, не удержалась и намекнула на ту ночь. Связвила, не покупает ли он меня. Он ответил, что купил бы, но фактически каждую ночь будет мальчиком по вызову. Ответ мне понравился. Правда, почему-то задумалась. То ли он привычно пошутил, то ли всерьёз. Мне ведь с ним теперь работать.

Знаешь, Гриш, я тут подумала и поняла, что, наверное, не возражала бы, чтобы всерьёз. Да и что там! Не буду перед тобой притворяться. Мне кажется, что и я хотела бы этого. До того меня измотало одиночество и тоскливая мысль, что ничего, кроме этого всю жизнь не будет. Я ведь ещё молодая, Гриш. Ну, по меркам нашего поколения.

Он вообще-то мне симпатичен, знаем друг друга давным-давно, никаких неожиданностей, скорее всего, не будет. Он свободен и относится ко мне очень трогательно, а главное - честно уж точно не ради одной ночи. Она уже была. Это я так. Сама не знаю зачем. Господи, опять вру. Себе и тебе. Знаю, конечно. Или догадываюсь. Устала я, Гриш!

Что бы ни случилось, Гриша, в моей жизни, замуж я никогда выходить больше не буду. Муж у меня один - это ты. Наверное, это последнее письмо в нынешнем году. Через две недели я приду к тебе, поставлю и наряжу, как всегда, маленькую ёлочку. Опущу в ящик это письмо и новогоднюю открытку, в которой будет только одна строчка «я тебя люблю» и подпись «твоя жена Марина Карпова». Чтобы помнил: у тебя есть жена.

С наступающим Новым годом. Я скоро приду.»

Соло на саксе в сопровождении скрипки

«Все интриги, войны и не завершённые дела заканчиваются на кладбищах», - говорил мой друг Аркадий.

Вот и сам он, в подтверждение этой истины успокоился, улегся среди поросших травой забвения и берёзками могил. И, бродя извилистыми дорогами своей судьбы, так и не выполнил задуманное и главное в своей жизни: стать большим музыкантом и жениться на Лике Галкиной.

Вообще-то он был не Аркадием, а Ариком и фамилия его была не Зайцев, под которой его все знали, а Нудельман. Но так дальновидно решили его родители. Впрочем, фамилия Зайцев при взгляде на его еврейскую физиономию смешила всех.

И прожил он не тем, кем был и не так, как хотел.

Лика всю жизнь хотела изменить свою фамилию на Нудельман, выйдя за него замуж, что, как ей сказали, больше шло к её имени. И не только поэтому. Но не получилось.

Впервые они встретились с Ликой в заброшенном складе на окраине Москвы. Давно не работавшем, где не востребованные пока никем студенты Гнесинского училища собирались по вечерам отводить душу, играя для себя не классические перлы, которыми их мучали мэтры, а джаз. Отрывались по полной! А тот жанр в то время в Советском Союзе, мягко говоря, не приветствовался. Поэтому заброшенный склад был единственной сценой для них.

А поскольку Аркадий играл на саксофоне, то он был самым популярным в ансамбле. Даже выдавал иной раз сольные партии. Это было главным в его музыкальных стремлениях.

Оркестр - дело коллективное. В толпе тебя трудно заметить. А он хотел быть солистом. Основания, кстати, у него были. Он одинаково классно играл на любых духовых инструментах. На это отделение его и приняли. Преподаватели иногда даже роняли слезу под звуки Аркадьевой флейты или кларнета, и дважды его направляли на всесоюзные и даже международные конкурсы и фестивали, но документы ни разу не проходили. В первый раз бдительный КГБ раскопал где-то, что никакой он не Зайцев, а Нудельман. А Нудельман в стране не котирировался. Во второй - закрыли из-за этого склада. Бдительные граждане слышали «не нашу» музыку, доносившуюся из склада, и в один прекрасный день, там появилась милиция. Чуть не пришили «организованную группу», занимающуюся подрывной деятельностью. Слава богу, обошлось. На конкурс опять не поехал. Мечту стать солистом пришлось временно оставить.

Оказалось, навсегда. Именно тогда профессор сказал пророческую фразу:

- Смотри, Аркадий, ты катишься в пропасть и закончишь свой творческий путь в похоронном оркестре.

Тогда было престижно провожать покойника от кладбищенских ворот до могилы в сопровождении духового оркестра. В первом ряду шла басовая труба и рядом мужичок с висевшим у него на лямках вдоль живота огромным барабаном, в который он ритмично бил такими же огромными колотушками. А уже за ними всякая мелочь: флейта, тромбоны, аккордеон.

Студенческий ансамбль разогнали, и они с Ликой расстались. Она вернулась в камерный оркестр при Доме культуры одного знаменитого завода, потому что не была студенткой Гнесинки, а просто так. Аркадий продолжал ходить в училище, пока его и оттуда не выгнали. Лика и он друг другом в ту пору не очень-то интересовались.

А почему Арика выгнали? Еврей - человек не благонадёжный. И от них на всякий случай избавляются.

На этом на музыкальной карьере, а уж на сольной тем более, был поставлен крест.

А жизнь продолжалась. И ничего - хорошая жизнь. Правда, на ступеньку ниже - в ресторанах, на частных Днях рождениях, свадьбах.

Сбивались в небольшие ансамбли и группы. Саксофонист был нужен везде.

И на этих сборищах сбылась, наконец, мечта Арика. В ходе программы Аркадий стал выдавать соло. Для хорошего рок-н-ролла и блюза достаточно одного саксофона.

Ли́ка всегда была в любой его группе - он просто таскал её за собой.

Восторженные гости подносили оркестрантам рюмки и требовали брудершафт. Было весело. Как-то Ли́ка подошла и сказала:

- Ты спиваешься.

- Тебе-то что? - удивился Аркадий.

- Я не хочу, чтобы ты пропал.

- Ты кто - жена или мамочка?

- Я тебя люблю, - просто сказала Ли́ка. - Может мы поженимся.

Аркадий оторопел. Потом подумал, что это хороший знак.

- Надо попробовать, - задумался он. - Сегодня мы после ресторана пойдём к тебе.

Ли́ка жила в арендованной однушке.

- Не сегодня, - сказала она.

- А когда?

- Когда ты ко мне что-нибудь почувствуешь.

- А если не почувствую?

- Мне будет жаль?

- Облом, - вздохнул Аркадий. - А как всё начиналось.

- Аркаш, я серьёзно.

- Не люблю серьёзных девочек, - признался он. - Но дружить будем.

Ли́ка поняла, что у неё есть права, и вытащила Аркадия из этого запоя.

Часто теперь в конце безлюдной аллеи осеннего парка можно было увидеть такую картину: парень с саксофоном и девушка со скрипкой, стоя друг перед другом, играли импровизированные джазовые мелодии, сменяя и поддерживая друг друга.

Ли́ка и Арик не репетировали. Они просто искали выход своим несостоявшимся мечтам. Они были единственными благодарными слушателями этой музыки. И это была единственная сцена. Другой не было. А пронзительные звуки их инструментов были явно не для тонких стен квартир и соседей.

А вечерами они продолжали «бацать» в пьяных залах любимые песни: «На Дерибасовской открылась пивная», «Белые розы» и «Не валяй дурака, Америка».

Никто не знал, любовь ли это, спят ли они в одной постели, живут ли вместе. Знали только, что судьба у них одна. Только то разбегаясь, то опять сходясь, они всё равно шли по жизни вместе.

Нашли они себя лишь в диких девяностых. Умирали классические концерты, уходили в небытие филармонии, зато гуляла и шумела освободившаяся от социализма улица. И, ни на кого не оглядываясь, можно было занимать любое пространство. Они заняли несколько уличных переходов, где можно было выступать в любую погоду. Народ, а значит и их слушатель, шёл непрерывной толпой.

Собрали ещё четырёх музыкантов, без чьих инструментов невозможно было исполнять хороший репертуар. Играли не то, что любили рестораны, а то, что хотели сами. Не своё, но известных мировых исполнителей - и джаз, и панк, и шансон. И это было раздолье для соло. Для каждого из их небольшого уличного ансамбля находилось соло. То щемила душу скрипка, то уводил куда-то в заоблачную даль саксофон и виртуозно перебирала струны электрогитара. И даже соло ударника не выглядело какофонией звуков.

Пела освободившаяся душа, пели по очереди и музыканты ансамбля, пели собиравшиеся у колонок прохожие.

Это был просто разгул музыки. И неважно, сколько было брошено денег в открытый около их ног футляр.

Но место под солнцем, хотя в переходе солнца и не было, было нужно всем. И некоторым, которым помогали крепкие ребята, оно было нужнее.

Ли́ка и Аркадий опять ушли в неизвестность.

Арик мыкался в поисках какого-нибудь места. Иногда на вечер другой звали прежние коллеги по ресторанной жизни. Те, которым удалось это место найти. Платили не всегда деньгами, чаще выпивкой и едой в том же ресторане.

Так он перешёл в разряд дешёвых. Ли́ка всё также работала в оркестре Дома культуры.

Узнавала, где сегодня играет Аркадий, ждала окончания и, не давая ему сесть за стол, уводила домой. Выпивку и еду забирала с собой. Удавалось это не всегда. Аркадий спивался быстро, стал буянить. Наверное, от горькой мысли, что не получилась жизнь. И великого музыканта тоже.

Его перестали приглашать совсем. Он всё портил внешним видом.

А есть-то хотелось. Особенно выпить.

Пророчество профессора сбылось. От безысходности и оттого, что ничего другого не умел, Арик устроился в похоронный оркестр при кладбище.

Там было всё равно, как выглядит и сколько пьёт. Здесь пили все. Иногда засыпали прямо в коморке, где хранились инструменты.

Ли́ка не приходила. Да и куда.

Однажды в ледяной дождь пришлось стоять два часа, автобус с покойником опаздывал. Получил воспаление лёгких. Две недели его пытались спасти в больнице.

Ли́ка узнала, приходила каждый день, держала его руки, говорила, что когда выздоровеет, они поженятся.

Не спасли.

Раз в неделю она приходит к могиле, садится на скамейку даже если она мокрая или в снегу, достаёт скрипку и играет.

Это колыбельная ему. Чтобы ему там было хорошо. Чтобы он, наконец, был счастлив.

Двое на скамейке

Часы на Спасской башне пробили двенадцать. Фразу эту каждый знает из детских сказок или из многочисленных романов. Но Семён не знал. Не знал, что полночь боем курантов прозвонила именно Спасская башня, потому что не знал, что он в Москве. Вообще не знал, где он.

Внезапно очутился он на какой-то площади. Стояла ночь, но площадь была залита светом прожекторов, и периметр её ярко очерчивали фонари. И редкие люди торопливо переходили куда-то и внезапно скрывались в подземных переходах. И только немногочисленная группка стояла у какого-то здания, где, видимо, что-то происходило. Летняя ночь была душная, почти не остывшая от дневного зноя.

И что это такое и куда идти, он не знал. Но надо было куда-то идти. И он пошёл на голоса, разносившиеся откуда-то из боковой улицы, где тоже ярко сияли фонари, сверкали витрины магазинов. И было шумно и многолюдно, несмотря на поздний час. Семён так и не понял, что часы, которые он только что слышал, пробили двенадцать, и ему захотелось узнать, какой именно сейчас час. Часов он не носил и потому сунул руку в накладной карман брюк, чтобы узнать время по мобильнику. Мобильника не было. Он огорчился и, пройдя ещё немного по какой-то аллее, сел на одиноко стоявшую в тени дерева скамейку.

- Эй, - услышал он женский голос, - не мог бы ты поискать себе другое место? Я не нуждаюсь в компании.

Семён оглянулся на голос. На другом конце скамейки сидела девушка. Лёгкий в горошек сарафан едва прикрывал колени. Длинные локоны почти скрывали лицо.

- Извините, - ответил Семён, вставая.

И всё-таки решил спросить:

- А вы не скажете, где это я?

- Как это? - поразилась девушка. - Ты что, сумасшедший?

- Нет. Но я правда не знаю, как сюда попал.

Девушка вздохнула:

- Поняла. Это такой дурацкий приём? Парень, шёл бы ты на хрен.

И встала со скамейки, поправив подол сарафана.

- Нет, я правда не знаю, - тихо сказал Семён.

Девушка вдруг остановилась.

- Ты не знаешь, что это Москва?

- Нет, - ответил Семён. - А это Москва?

Девушка осталась на месте. Видимо, ответ показался ей искренним. Она подошла и наклонилась к нему.

- Вроде не пьян, - констатировала она, втянув воздух.

- Ты накурился?

- Нет, я не наркоман, - боясь, что девушка сейчас уйдёт, заспешил Семён.

- А что тогда?

- Не знаю. Вдруг очутился здесь. Больше ничего не знаю.

- А что-нибудь помнишь?

- Нет.

Впереди аллеи вдруг показались мигалки полицейского автомобиля. Звукового сигнала, впрочем, не было. Девушка вдруг схватила Семёна под руку, прижалась к нему и быстро прошептала:

- Ты Федя Иванов. Мой парень. Мы влюблены.

И прижалась к нему губами.

Автомобиль остановился возле них. Дверь открылась, и вышел полицейский капитан. Другой полицейский встал напротив, держа направленный на них короткий автомат. Капитан представился.

- Что здесь делаете? - пока ещё по-доброму спросил он.
 - Целуемся, - улыбнулась девушка.
 - Вижу, - также улыбнулся капитан. - Всё же предъявите документы.
 - Капитан, а без документов целоваться нельзя?
 - Ночью нельзя, - вполне серьёзно ответил капитан.
 - Ну ладно. А без документов выходить на улицу нельзя?
 - Можно. Но проверить я обязан. Имя, фамилия, адрес?
- Девушка ответила. Капитан передал данные куда-то по рации.
- Всё в порядке, - ответил он несколько минут спустя и улыбнулся.
 - Целуйтесь дальше. Но всё-таки шли бы вы домой.
 - Уже идём, - пообещала девушка.
- Полиция уехала. Семён отодвинулся от девушки.
- Зачем ты это сделала?
 - А ты что, хотел, чтобы они тебя в участок отвезли? Или сразу в дурдом?
 - Да... - протянул Семён. - Спасибо, конечно.
 - Документы-то у тебя есть? - спросила девушка.

Семён как-то до сих пор не думал на эту тему. Он порылся по карманам.

- Наверное, где-то у меня всё украли, - произнёс он.
- Не помнишь где?
- Я же сказал - ничего не помню.
- Ах да, если уж имя своё забыл.

Девушка решительно встала:

- Ну что, пойду, пожалуй.
- Иди, - согласился Семён.
- А ты куда?
- Не знаю. Я ведь Москвы не знаю. Наверное, не был никогда.
- А может, ты здесь живёшь?
- Может.

Девушка нерешительно замялась.

- Ладно, пошли, - сказала она.
- Куда?
- Да поболтаемся где-нибудь. Я ведь по ночной Москве тоже никогда не гуляла.
- А домой тебе не надо?
- Надо, но не пойду.

Семён не стал спрашивать почему, хотя это показалось ему странным.

- С мужем поругалась, - объяснила она.
- Иди, - сказал Семён. - Он сейчас звонить начнёт.
- Некуда звонить. Я психанула, выскочила, как была. Ни телефона, ни денег.
- Ну, значит, он обрывает телефоны больниц, полиции.
- Не обрывает. Не в первый раз. Но морду утром набьёт.

Семён не стал углубляться дальше в их отношения.

- Я Татьяна, - протянула девушка руку.

Семён замялся.

- А ты - Федя, - подсказала она.
- Ладно!

Ночной, так и не остывший от дневного зноя воздух обволакивал их липкой влагой. Из уличных, никогда не умолкающих в Москве звуков раздавалось лишь шуршание шин. И фары автомобилей не давали темноте сгуститься над миллионным городом.

Они шли какими-то непонятными Семёну улицами. Порой ему казалось, что они просто кружат по Бульварному кольцу. Но Татьяна вела его уверенно, хотя и не выбирала каких-то определённых путей. Сначала разговор не складывался. У Семёна прошлого не было, ему не о чем было рассказать. Татьяне тоже не хотелось пускать незнакомого парня в свою жизнь, да и вряд ли ему это было интересно.

- Это центр? - спросил Семён.

- Да. Мы никуда отсюда не выходили.

- Я догадался, потому что ты уверенно идёшь.

- Я здесь живу, - просто объяснила она. - Не прямо здесь, но в пределах Садового.

- Коренная москвичка?

- Нет, из глухой провинции. Училась здесь в универе. Повезло, муж богатый.

- Ты же сказала - он тебя бьёт.

- Бывает.

- И что же ты не уходишь?

- Куда? Обратно в свою глушь? Знаешь, - вдруг сказала она, - когда я была беременна, я выходила ночью на улицу, а это была весна, только вылезали зелёные листья, и я их ела. До того я любила жизнь! И вообще всё, что со мной происходило. Москва, муж, ребёнок. Впереди бесконечное счастье.

- А теперь?

- А теперь как-то тусклее, глуше.

- А кто у тебя: девочка или мальчик?

Татьяна замолчала.

- Никого, - сказала она. - Выкидыш.

- Ну, ещё будет, - Семён не знал, что сказать и попытался утешить.

Татьяна спросила:

- А у тебя есть дети? Представляешь, ты возвращаешься домой, а тебя там встречают. Мальчик и девочка.

Семён долго молчал. Он представил реально такую картину.

- Знаешь, - сказал он, - давай наоборот: ты завтра возвращаешься, а муж тебе говорит: «Познакомься, это твои дети - мальчик и девочка». А ты их не знаешь. А они уже в первом классе.

- Кошмар, - сказала Татьяна. - Из всего, что ты мне сказал, я могу представить только, как он бьёт морду.

- Ну вот, - продолжил Семён. - Знаешь, я вообще не могу представить, что я когда-нибудь куда-нибудь вернусь.

- Ну, давай, - сказала Татьяна, - возьми меня под руку, мне страшно.

Семён послушался, и Таня прижалась к нему.

- Ты не устал? - спросила Татьяна. - Давай сядем на лавку.

Они сели, и Татьяна взяла его ладонь в свою.

- Мне страшно за тебя, - произнесла она. - Как ты будешь жить?

Они замолчали. О чём-то говорили только их руки.

- Земеля! - очнулся Семён от мужского голоса.

Перед ним стояли, нетвёрдо покачиваясь на ногах, два парня в футболках, расписанных какими-то надписями.

- Дай закурить, - промычал один из них, перекатывая из одного уголка рта в другой сморщенный окурок.

- Отвали, - сказала Татьяна, отталкивая парня ногой.

- Ах ты...

И не успел он закончить, как произошло неожиданное. Семён резко вскочил и на ходу двинул парня в челюсть. Не меняя стойки, он сделал пол-оборота и размахом ноги отбросил второго. После этого удивлённо остановился. Двое бойцов валялись на земле, так и не поняв, что произошло. Не совсем понял и Семён.

- Пошли отсюда, - сказал он Татьяне, протягивая руку. - Сейчас они очухаются.

Татьяна, немея от восторга, взяла его за руку.

- Ну, ты даёшь! - восхищённо произнесла она. - Может, ты был боксёром?

- Может быть, - Семён увёл её на другую аллею.

- Видишь, это инстинкт, - пояснила она. - Так, может, по инстинктам тебе вспомнится твоя жизнь.

- А я не хочу! - сказал Семён.

- А чего ты хочешь?

- Чтобы вот как я её по новой построю, так и проживу.

- А может, и любовь будет, - с какой-то завистью добавила Татьяна.

- Тоже не хочу, - сказал Семён.

- Почему?

- Она сковывает. Ни туда, ни сюда не тронешься.

- А ты куда хочешь тронуться? По бабам?

- Просто по миру. Вот представь: заработаю за год какие-то деньги, куплю подержанную машину и буду ездить, куда глаза глядят. До Владивостока! Год-два. Останавливаться, жить, какие-то деньги на дорогу зарабатывать. Представляешь, сколько увижу!

- А дальше?

- А во Владивостоке наймусь на океанское торговое судно. Ну, поваром, допустим. И объезжу весь мир.

- А дальше?

- А дальше где-нибудь осяду. И буду просто жить.

- Здорово! - сказала Татьяна. - Возьми меня с собой.

- Ты замужем, - возразил Семён. - Я чужие жизни не разбиваю.

- А там разбивать нечего, - обняла его Татьяна. - Нет ничего.

Так они стояли, прижавшись друг к другу, чувствуя неожиданно такую нежность и близость друг к другу. Страшно хотелось поцеловаться. Но они держались. Скоро наступит утро, и всё исчезнет.

- А ты чего хочешь? - спросил Семён.

- Тебя! - засмеялась Татьяна.

- Ну, правда.

- А правда - того, что и ты: быть свободной, летать по всему миру.

- Почему не стала?

- Стала. На пятом курсе я сдала английский, как родной. Есть такой международный сертификат. Немного французский и испанский. Окончила курсы стюардесс, подала документы в «Аэрофлот». А в универе училась бы заочно. И тут меня встретил муж мой, который, как потом оказалось, бьёт морды. Ну вот и всё.

Шла ночь. Всё не кончались закольцованные бульвары. И они шли и шли. Говорили обо всём, и, в общем-то, незначительном. Просто, чтобы идти и не расставаться, потому что расставаться не хотелось. Да и куда им было деться посреди ночи. И никто из них не замечал, что руки они не разжимали.

Но волшебство ночи заканчивалось. На горизонте алой полоской появилась заря. Татьяна внезапно остановилась посреди разговора и произнесла:

- Нам пора.

- Ты домой? - спросил Семён.

- Да.

Татьяна повернулась к нему.

- Я очень за тебя переживаю, - сказала она. - Здесь недалеко отделение полиции, я тебя туда сдам. Скажу, что только что встретила. Так надо, иначе ты пропадёшь.

И добавила тихо:

- Наверное, и я без тебя теперь не смогу.

И поцеловала его в губы. Сначала осторожно, а потом, забывшись, изо всех сил. Дальше они шли молча, не разжимая рук.

Ночь кончалась. Там, на скамейке, где они встретились, остались сидеть две тени. Вот была судьба и не случилась.

Люди шли и оглядывались.

День сурка

Скука, казалось, навсегда нависла над этим маленьким городком. Серые нахихлившиеся облака неподвижно и тоже, казалось, навсегда стояли над такими же серыми нахихлившимися домами. И расхристанные голые в октябре ветки одиноких деревьев на улице, также скучно торчали на фоне осеннего неба. Впрочем, городом это и не было, хотя, как я прочитал перед командировкой, жило здесь около десяти тысяч человек. Назывался он посёлок городского типа. И всё здесь было «типа». «Типа» гостиницей был двухэтажный барак при шахтоуправлении, «типа» кафе были несколько забегаловок, «типа» торговый центр был бывший советский универмаг, в котором неизвестно зачем что-то продавалось, хоть покупателей как-то замечено не было, потому что все продавалось на «Вайлдберрис».

Собственно, из угольной шахты, давно «дышащей на ладан», школы, нескольких улиц, с облупленными домами и, зачем-то, педучилища и состоял этот городок. Многие из домов, судя по выбитым окнам, были не жилыми.

Умирал городок.

Да и как можно было родиться, прожить и умереть здесь, думал я, ещё не зная, что сегодня ночью местная девушка, прижимаясь ко мне всем телом, как будто боясь отпустить и опять остаться здесь одной, будет рассказывать мне, как это можно.

В командировку меня послала редакция областной газеты, в которой я тогда служил. Поводом была странная информация, якобы в этой школе после обязательных девяти классов, в десятый никто не шёл и из-за минимальных баллов, набранных на экзаменах и просто так - не хотел. И практически никто не уходил в какие-нибудь училища, даже в рабочие. Просто растворялись где-то и всё.

Понятно, что любовью к учёбе в нынешнем поколении никто не отличался, но, чтобы так!

Первой встречей у меня по предварительной телефонной договорённости, было отделение полиции. Как и всё в этом городке - «типа» отделение «типа» полиции. Располагалось оно в пристройке давно заброшенного клуба. Мне представили пожилого майора.

- Наш участковый, - пояснил начальник отделения, тоже майор. - По вашему вопросу он самый специалист.

- У вас тут все майоры? – пошутил я.

- Нет, есть ещё капитан, - не приняв шуток, ответил капитан и устало добавил:

- А что вы хотите, по рангу посёлка это высшее звание. Служи хоть сто лет.

Участковый вообще-то оказался человеком симпатичным. Журналистов он не боялся, да и вообще, видимо, никого. Понимал, что дальше этого не пошлют. Потому происходящее объяснил честно и просто:

- Три причины, - привычно и без эмоций рассказал он, - городок умирает, перспектив у молодёжи никаких. Можно, конечно, в город податься или ещё куда получше, да хоть и в Москву. Не все, конечно, - подумав добавил участковый, - некоторые всё-таки и прорываются в областной центр, даже в Москву. Но в основной массе вот так. Потому что вторая причина - семья. Чего там рассказывать, можно просто прийти в любой дом, типичная картинка: муж пьяный, хорошо ещё, если не на полу валяется, переступишь через него, не заметит, жена мечется по кухне или возится с маленькими детьми. Старшие тусуются по забегаловкам или просто где-то слоняются.

Он вздохнул:

- Ну и последняя причина – наркотики. Практически есть у каждого.

- Где берут? – удивился я.

- Да есть тут.

- А что поймать их нельзя?

- Ловим, - вздохнул участковый, - и сейчас четыре человека сидят. Но трудно, и доказать трудно, ответ один - нашли на дороге. Да и поймать себе дороже. Это ж цыгане! Пробовали когда-нибудь справиться с толпой цыган? А их человек пятьдесят, с грудными детьми, стариками-инвалидами. Такой визг и вой стоит. Перекрывают трассу, чтобы омовцы не проехали, а это уже областной скандал, ну и прочее. Кстати, вы думаете, мы от большого счастья сидим в этой пристройке? Было у нас отдельное здание - сожгли. Знаем, что они, но попробуй, докажи! Они ведь не своими людьми, наняли из соседней области. Знаем, а доказать не можем.

- Ну, ладно, - спросил я, - если школяры исчезают после девятого класса, куда деваются?

- Кому повезёт, устраиваются на шахты, не в забой, конечно, по возрасту нельзя, а так - на подсобные работы. Платят, конечно, мало, но им много и не надо - на выпивку, да на девочек.

- На девочек. А это как?

- Нет, проституции конечно нет, но, если дружить хочешь, так это у них называется, плати деньги. Ну, а в основном, - участковый задумался, - давайте, завтра в девять утра вы выйдете на трассу, на автобусную остановку, только без меня - я всё же полицейский. Нет, криминала явного нет, там так называемый невольничий рынок. Ну, про невольничий я для красного словца сказал, всё строго по желанию. Приходят те, кто сегодня хочет заработать. Точка известная, подъезжают те, кому нужны рабочие руки. Здесь же в радиусе сорока километров несколько коттеджных посёлков, в основном городские используют их под дачи, фермы разные и так - по мелочи. Работы тоже по мелочи - на стройках подсобниками: вырыть ямы, спилить деревья, убрать участок, траву покосить, девки - пропалывать грядки, цветники, окна помыть. А за дополнительную плату могут и что-то другое предложить, но это их личное дело. К нам за всё время ни одного заявления не поступало.

Было уже около семи часов вечера, когда я в очередной раз решил зайти в школу. В очередной, потому что в первый, ещё днём, директрису я не застал. Двери, за которыми шли занятия, были закрыты и единственный свободный человек, шедший по коридору, оказался молоденькой учительницей младших классов.

- А она утром уехала, вызвали в роно, - ответила она на мой вопрос о директрисе.

- А я с ней договаривался.

Учительница пожала плечами:

- Зайдите после шести, - утешила она, - может приедет последним автобусом.

- Вряд ли зайдёт тогда в школу.

- Если приедет, то зайдёт, у неё в седьмом классе, где она литературу ведёт, сегодня контрольная была, а домой она тетрадки не берёт, мать у неё сильно болеет.

День в семь вечера, конечно, не кончался, но тусклые фонари уже зажглись. Луи блестя в ямах провалившегося асфальта, тяжёлые тучи нависли над крышами. Да было ли в этом городе когда-нибудь светло?!

Пусто было на улицах, лишь возле забегаловок уже собиралась и кричала молодежь. За день я выполнил, кроме школы, всю намеченную программу. И всё было ожидаемо неинтересно.

Директор шахты, не стесняясь, объяснил мне, что шахта на фиг никому не нужна, от неё одни убытки, но не закрывают её потому, что на ней держится весь посёлок. Котельная за счёт шахты, насосная, которая качает воду в посёлок тоже за счёт неё и остальное всё городское хозяйство. Ну, и отчасти безработицы за счёт шахты тоже нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.